

Виктор
ГУСЕВ

НЕФАРТОВЫЙ

МОСКВА
2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
Г96

Художественное оформление *Г. Федотова*

В коллаже на обложке использованы фотографии и рисунки:

- © Александр Саверкин / Фото ИТАР-ТАСС;
- © Вадим Тараканов / Fotodom.ru;
- © Olga_Angelloz, Vectorcarrot, Imageman / Shutterstock.com
(Используется по лицензии от Shutterstock.com)

Во внутреннем оформлении использованы фото из личного архива автора, Л. Селеменов, «ИД» Комсомольская правда», а также:

- © Алексей Филишов, Василий Смирнов, Леонид Великжанин / Фото ИТАР-ТАСС;
- © Алексей Антонов / ООО «Издательский дом Родионова» / Фото ИТАР-ТАСС;
- © Владимир Мельник / Fotodom.ru

Гусев, Виктор Михайлович.

Г96 Нефартовый / Виктор Гусев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-98964-5

Три статуэтки ТЭФИ, правительственная премия лучшему пишущему журналисту и медаль «За боевые заслуги». Спасательная экспедиция в Антарктиде и война в Африке. Борьба за выживание на необитаемом острове и необычное кругосветное плавание. А еще — учеба в Америке, работа в НХЛ с легендарным тренером и жизнь на улице имени своего деда.

Он прошел 15 олимпиад, комментировал на Первом канале матчи 13 чемпионатов мира и Европы по футболу. Совершал исторические заокеанские туры с хоккейными клубами «Динамо» и ЦСКА. Он выпускал судовую газету и первый в стране цветной журнал о футболе. Работал пресс-атташе футбольной сборной России и синхронным переводчиком на 50 конгрессах Международной федерации хоккея. А однажды стал «русским пингином».

Все это — один человек: Виктор Гусев

А его книга — это не только о хоккее и футболе. Это про лед, взломанный на пути к цели, и про поле жизни, насыщенной невероятными событиями.

И еще это очень смешно...

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-699-98964-5

© Гусев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие ЛЕТЯТ ГУСИ

«Как может быть фартовым или нефартовым телекомментатор? Способен ли человек, не участвующий в игре, не являющийся тренером или судьей, влиять на исход матча? Да и само странное слово «фарт». Англичане с американцами — те вообще, как его услышат, так удивленно вздымают брови и морщат нос... Посмотрите перевод в словаре».

Под ярким полуденным солнцем я шел по железнодорожной платформе Внуково, и все эти вдруг завертевшиеся в голове мысли не имели никакого отношения к реальности прекрасного августовского дня. Позади были очередные сутки летней Олимпиады, которую мы на этот раз освещали из Москвы. Без Рио-де-Жанейро и белых штанов — ничего страшного! В конце концов, футбольную Мекку удалось посетить за два года до того, когда в Бразилии был незабываемый чемпионат мира. Чего стоила хотя бы работа на

«Маракане»! Помните, как немцы в дополнительное время вырвали победу у аргентинцев? То был мой шестой чемпионат мира в качестве телекомментатора Первого канала и четвертый репортаж о финальном матче.

И вот уже четырнадцатая Олимпиада, начинающая с московской, на которой я работал в далеком 80-м еще корреспондентом ТАСС. Восемь лет спустя была совершенно необычная поездка на Игры в Сеул: туда я отправился переводчиком сборной СССР по борьбе. Поэтому жил в Олимпийской деревне и имел доступ в святая святых — за кулисы соревнований. А в Альбервиле на зимних Играх-92 получил предложение от телевизионщиков. С тех пор — в Останкино. И снова Олимпиады: еще пять летних и шесть зимних.

Так что начиналось все уже почти сорок лет назад в олимпийской Москве, и вот круг замкнулся. Интересно, что для «anchorman», как называют ведущего в студии англичане и американцы, особой разницы-то и нет. Сидней или Афины, Пекин или Лондон — наши рабочие помещения на их телецентрах мало чем отличались друг от друга. А все они, вместе взятые — от специальной студии, воздвигнутой на время Игр-2016 в Останкино.

Нефартовый

В дословном переводе «anchorman» — это что-то вроде «человек-якорь». Очень точно: сидишь, как якорем к стулу прицепленный...

Кстати, про настоящий якорь. С его помощью я пытался раскатать застрявший у побережья Антарктиды ледокол. Чистая правда! Но об этом чуть позже.

Итак, я шел по внуковской платформе, радуясь тому, что сейчас, добравшись до дома, смогу выспаться перед своим очередным «олимпийским будильником» в четыре утра. И при этом мысленно рассуждая о суеверии — жалком уделе тех, у кого нет веры. Так ведь говорят?

В эту секунду я почувствовал, что лечу. Нет, не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Под находившейся ближе к краю платформы левой ногой обрушился кусок бетона. Впрочем, это я узнаю только сутки спустя, когда Оля привезет фото рухнувшего под мой перрон в больницу. А пока, совершив самый настоящий «фосбюри-флоп», я со всего маху и с довольно приличной высоты спиной брякнулся на рельсы.

Думаю, замысловатый стиль невольного прыжка во многом предопределил надетый через плечо тяжелый планшет. И он же в итоге спас позвоночник.

Сумку я купил в Берлине с четвертого за два года захода в один и тот же магазин. Сначала не было с собой достаточного количества денег, потом не срабатывала банковская карточка, в следующий раз сам предмет на время исчез с прилавка...

Мистика! За всю жизнь я ни разу так не стремился приобрести какую-то конкретную вещь, тем более столь прозаическую! Но ноги сами несли в ту неприметную лавку. А теперь, возможно, продолжают носить меня только потому, что при приземлении выстраданное немецкое приобретение счастливым образом оказалось между спиной и рельсой.

Более ста кг живого веса уже готовы были стать страшным приговором. Но сумка! Никогда не видел айпэд, словно лего, расколотый на мелкие кусочки. А как вам мобильник, превратившийся в подкову (на счастье?)! Интересна судьба банана, который я взял с собой на работу, но не успел съесть в олимпийской запарке. Он просто исчез! Точнее, стал частью текстуры самой сумки, въевшись в ее стенки настолько, что теперь всю оставшуюся жизнь я, открывая мою спасительницу, буду чувствовать запах далекой экзотической плантации. Или как минимум любимой с детства пластиночной жвачки Juicy

Нефартовый

Fruit, которую тогда привез из командировки на Кубу мамин папа — дедушка Коля.

...Над койкой в Боткинской улыбался лечащий врач:

— А вам повезло, Виктор Михайлович! Все-го-то три сломанных, да и то не сами позвонки, а отростки. Это месяца два в постели. Пишите книгу.

— Спасибо, доктор. Но как — в таком положении?

— Ну как? Печатайте одним пальцем. И начните с того, что вы — фартовый...

Глава первая

И В КАКОЙ СТОРОНЕ Я НИ БУДУ

Девушки, гляньте,
Гляньте на дорогу нашу,
Вьется дальняя дорога,
Эх-да развеселая дорога.

*Виктор Гусев.
Полюшко-поле*

Вердикт вождя

Сталину не понравились слова гимна Советского Союза, которые написал мой дедушка. Говорят, вождь сказал: «Слишком мягкий текст. И не надо было так много о природе. Да и религиозно Гусев зачем-то пришлеп».

Виктор Михайлович Гусев проиграл не в одиночку. Во-первых, в соавторстве со своим давним другом композитором Тихоном Николаевичем Хренниковым. Во-вторых, были забракованы еще четыре варианта, предложенные участниками конкурса. Победили, как известно, стихи двух корреспондентов фронтовой газеты «Сталинский сокол» Сергея Михалкова и Габриэля Эль-Регги-

Нефартовый

стана. То, что предложили они, было признано более правильным по стилистике. Да и музыка Александра Александрова, положенная в основу, к тому времени уже прошла проверку временем как «Гимн партии большевиков».

Кстати, специальная правительственная комиссия по «госприемке» дала работе Гусева — Хренникова положительную оценку. Она сохранилась в архиве: «Торжественен, монументален, выразителен и хватает за душу. Чувствуется сердечность, глубина».

Но стоит ли говорить, что комиссия комиссией, а решающим было слово Сталина.

Вот уже много лет я пытаюсь найти дедовский текст. Тщетно! Чтобы ни у кого не возникло тайных сомнений в правильности высокого выбора, все проигравшие работы были уничтожены. И хорошо, что только работы!

Конкурс объявили в разгар войны — в 1943 году. До этого функцию гимна исполнял «Интернационал». Новый утвердили и обнародовали в ночь на 1 января 44-го. Дедушка умер в холодной, но уже согреваемой реальной надеждой на победу Москве три недели спустя, всего семь дней не дожив до своего 35-летия. Умер на руках Хренникова, с которым были написаны все песни для снятых по сценариям Гусева кино-

фильмов «Свинарка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны».

Тогда, зимой 44-го, как первая ласточка неминуемо приближающейся мирной жизни, в Доме актера вновь открылось кафе, гордо назвавшее себя рестораном. Придя туда 23 января, они успели только снять пальто и сделать заказ. Виктор уронил голову на руки. Обширное кровоизлияние в мозг. А ведь сразу после Нового года было то же самое — в глаз. Врачи сказали предельно строго: по ночам — спать, меньше работать. Но куда там!

Говорят, современная медицина спасла бы...

У дедушки, страдавшего тяжелой формой гипертонии, с детства были сильнейшие головные боли. На фронт его не пустили, и, отправив жену с двумя маленькими детьми в эвакуацию в Ташкент, он с утра до ночи, по 20 часов в сутки, семь дней в неделю работал в Радиокomitee. Первый эфир из Москвы был уже 23 июня 1941 года: «Слушай, фронт!» Потом появилась и стала ежедневной программа «Говорит Западный фронт». Виктор готовил передачи, а в минуты отдыха писал стихи:

И в какой стороне я ни буду,
 По какой ни пройду я траве,
 Друга я никогда не забуду,
 Если с ним подружился в Москве...

Нефартовый

Это из «Свинарки и пастуха». Фильм, который до сих пор часто появляется на экранах телевизоров, начали снимать в Кабардино-Балкарии весной 1941-го, то есть еще в мирное для нас время. В июне, естественно, все остановилось. Режиссер Иван Пырьев записался добровольцем на фронт. Съёмочную группу вернули в Москву, но вскоре последовало высокое указание: продолжать работу над картиной. Драматичный, а в то же время веселый и очень оптимистичный фильм должен был явиться символом уверенности в победе и спокойной силы русского народа. Главным действующим лицом стала... Выставка достижений народного хозяйства, где встретились два главных героя картины. Съёмки на ВСХВ (тогда она носила такое название) прерывались авианалетами. Доделывали фильм в Алма-Ате. К уже процитированным раньше мирным стихам о любви, начинавшимся оптимистично: «Хорошо на московском просторе!» — в главной песне было добавлено:

И когда наши танки помчатся,
Мы с тобою пойдем воевать.
Для того ль мы нашли свое счастье,
Чтоб врагу его дать растоптать?

Каждый раз, когда я видел в театре или на экране исполнителя одной из главных ролей Владимира Зельдина, ловил себя на мысли, что тако-го просто не может быть. Поскольку невозможно победить время. Шутка ли сказать: он лично знал моего деда, общался с ним. И, как рассказывал сам Владимир Михайлович, именно Гусев посоветовал Пырьеву взять его на роль дагестанского пастуха Мусаиба. 26-летний актер был уже определен в танковую школу, но продолжение съемок означало для него «белый билет».

«Это спасло меня от армии и, возможно, от смерти» — звучит немного, как сказали бы сейчас, неполиткорректно. Но к словам старейшего на тот момент действующего актера планеты, говорившего это в столетнем возрасте, мне кажется, можно не придираться. Легендарный актер ушел от нас осенью 2016-го, когда ему был сто один год.

Зельдин оказался единственным некавказцем из претендовавших на роль кавказца. Думаю, слово моего дедушки могло и не стать решающим, если бы не присутствовавшие на кастинге женщины из съемочной группы. Их никто не спрашивал, но спонтанная реакция дам не могла не повлиять на равнодушного к прекрасному полу режиссера. Так знойный красавец из прозаического города Козлов Тамбовской губернии

Нефартовый

получил роль, которая на всю жизнь сделала его звездой.

Но не лауреатом Сталинской премии, доставшейся и исполнительнице второй главной роли Марине Ладыниной, и главному оператору Валентину Павлову, и Пырьеву, и Гусеву с Хренниковым. Говорят, кто-то наверху сказал, мол, Зельдину и так достаточно: в горах парня разыскали, в Москву привезли...

Какой армии — герои?

До премьеры еще одного своего фильма и до самих «шести часов вечера после войны» мой дедушка не дожил. Удивительным образом предсказанный Гусевым победный салют гремел над столицей, когда его прах уже покоился на Новодевичьем.

Хрестоматийную финальную сцену встречи на Каменном мосту разлученных войной влюбленных, которых сыграли снова Марина Ладынина и Евгений Самойлов, разбирают в голливудских учебниках кино. И до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно замысла автора: это было реальное свидание, или оно так и не состоялось, существуя лишь в мыслях двух героев картины?

Гусев имел в виду второй вариант. Варя случайно всего на несколько секунд встречает своего возлюбленного на полустанке, вновь провожает его на фронт и тут же погибает под бомбами «люфтваффе». А встреча в Москве на фоне салюта и кремлевских стен — это ее несбывшаяся мечта. Потрясающая сюжетная находка, если хотите, новое слово в драматургии.

Но Пырьев снимал фильм в 44-м и не мог лишиться зрителей счастливого финала. Ведь вся страна жила надеждой далеко не только в кинематографическом смысле. Поэтому режиссер, сохранив долю неопределенности, все же облачил концовку в реалистичные, оптимистичные тона. И я уверен, сделал правильно, даже пожертвовав более высокой творческой эстетикой.

Фильм и вышел на экраны, когда еще гремели бои. За полгода до Девятого мая его посмотрели 26 миллионов человек. А Ладынина вспоминала письмо одного солдата: «Теперь и помереть можно, все-таки увидел конец войны...»

Как и в «Свинарке», персонажи фильма «В шесть часов вечера после войны» разговаривают стихами, но настолько умело вплетенными в обычные диалоги и монологи, что звучит это удивительно естественно, а зарифмованность только добавляет их речи легкости и лиричности.

Этот фильм — тоже по-прежнему на экранах. Звучат и его песни. А вокруг одной из них — «Песни артиллеристов», призывавшей: «Из тысяч грозных батарей — за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь! Огонь!» — развернулась настоящая идеологическая война. Строчку «Артиллеристы, Сталин дал приказ» — после осуждения культа личности XX съездом КПСС — решено было поменять. И началось: «Артиллеристы, партии приказ», и «Артиллеристы, точный дан приказ», и уже позже — снова «Сталин дал приказ». Какие только варианты не звучат сегодня у разных исполнителей! А то, что автор назвал «песней», помимо его воли превратилось в «марш» и даже «гимн».

Кстати, недавно услышал что-то новенькое в тексте легендарной «Полушко-поле». Эту песню, которую многие считают народной, на самом деле тоже сочинил Гусев. На этот раз вместе с композитором Львом Книппером, судьба которого достойна отдельной книги. Племянник жены Чехова, 19-летний солдат армии Корнилова, георгиевский кавалер, вместе с остатками войск Врангеля оказался за границей. Вернувшись домой в 1922 году, был завербован НКВД, стал разведчиком, а при этом... композитором и альпинистом.